

Леонид Коренев

то случилось в полесской деревне Езёры на Ровенщине.

Поэт, драматург, художник, актер, музыкант, фотограф, офицер, комиссар, коллекционер, вор, хулиган, сексофил, наркоман и экстрасенс были продырявлены одним выстрелом. Но звук этого выстрела потонул в грохоте начавшейся второй мировой войны, и лишь через полвека эхо достигло сияющего синим снегом курорта Закопане, где прежде проводил свои самые яркие дни, а теперь нашел вечный покой человек со многими лицами, называвший себя Виткаций, при крещении Станислав Игнацы Виткевич.

Он убил себя сам, и все же это была смерть по приговору, который ему, как и шести миллионам его compatriотов, подписали двое: бывший торговец шампанским — Иохим фон Риббентроп и лишенный музыкальных талантов родственник гениального Скрябина — Вячеслав Молотов.

Аб ovo: еще недавно в городах Западной Украины обязательно имелись улицы имени «17 вересня», то есть сентября. Эта дата мало что говорит нам с вами, но в тех краях она впечатана в память коричнево-красным рубцом.

17 сентября 1939 года доблестные советские войска, выполняя, скажем так, союзнические обязательства перед не менее доблестными германскими вооруженными силами, вошли в пределы панской Польши, чтобы взять под ласковую сталинскую руку

ча — настоящий птичий разговор! Всю свою огромную эрудицию (хотя гимназию не посещал, да нахватался — от теории относительности и каббалы до философии, инженерии и, само собой, искусствознания) вываливал на сцену, пытаясь изобразить шестимерное пространство, параллельные миры, где говорящие кадавры (его вообще отличала болезненная страсть к теме смерти, потусторонности) и мужчины, на ходу превращающиеся в женщин с демонстрацией вторичных признаков, изыскались шершавым языком трактата. И плюс ко всему политическая ангажированность, страсть Оруэлла (кстати, опять же неудачника) в обличении тоталитаризма...

Да, он был очень непризнан и, может быть, остался бы, если бы не это последнее качество. Тут был закономерный виток судьбы. Станислав много путешествовал, как из любопытства, так и от неустойчивости

РУССКИЙ С УКРАИНЦЕМ — БРАТЬЯ НАВЕК

Смерть комедианта

И сердцем, как куклой играя,
он сердце, как куклу, разбил

угнетенное дотоле украинское и белорусское население (впрочем, как и польское, еврейское, литовское и армянское, но это не подчеркивалось).

В Польше, чей белый орел уже третью неделю терзал черным германским орлом, царит разброд. Панические слухи слились в информационную какофонию. Поэтому отдельные польские паны, пани и паненки неверно сориентировались в целях предпринятого Кремлем освободительного похода (а Кремль и оттягивал его, несмотря на настоячивые понукания фюрера, чтобы придурить публике извилины) — и вышли на стихийные демонстрации, чтобы приветствовать братьев-славян. Тем более явилась утечка сведений о приказе: на Востоке огня не открывать... Но что с них, темных, взять, если и британский премьер Невиль Чемберлен, надо сказать прямо, ии черта не понял.

Вскоре, однако, все разъяснится, и на реке Буг состоится встреча немецких и советских танкистов, плотно обнявшихся под глазом фотоаппарата (чем-то похожи эти снимки из 1939-го на другие, из 1945-го, встречи на Эльбе).

Но простому комедианту, шуту, застрявшему в полесской деревне, все ясно сразу, и настолько, что лично для себя он не видит никакого другого выхода, кроме как немедленно уйти из мира.

К сожалению, Виткаций был прав не только в оценке общей ситуации (шуты, как известно, по определению, мудрее правителей), но, вероятно, и по отношению к собственной судьбе. Ни в поднацистской, ни в подкоммунистической Польше он выжить бы не смог. В самом лучшем случае — в сумасшедшем доме.

Ибо что за человек был Виткаций? Сын художника, выросший в рафинированной артистической среде Кракова, он сделал эпатаж способом жизни с юных лет. Именно способом, образом жизни. Виткаций мог раскрывать себя, как куклу, и пребывать такой куклой долго, превращаясь в нее и по поведению. Мог повстречать гостей голышом и вести беседу, свистнуть тростью видного профессора для коллекции, а ук поскандальить на светском приеме — хлебомне корми. Словом, был он той группы крови, той стаи, что Диоген, де Сад, Оскар Уайльд, Сальвадор Дали, Даниил Хармс, Пьер Пюло Пазолини. Судьба большинства из них как правило, печальна. А еще он духов вызывал, играл в детские игрушки, фотографировал людей нехотят и не так, сыпал неприличностями. В буржуазном обществе такие существуют хотя бы как экзотика, в пролетарском — ликвидируются. Но и в мире чистоган: жизнь у Виткевича была не сахар. Ибо нормальный эпатаж, как в жизни, так и в творчестве, для успеха требует понятности. А гэсы Виткеви-

сти. В 1914 году, потрясенный трагической гибелью невесты, пройдя сквозь очередную попытку суицида, он отправился на манер Миклухо-Маклая или скорее Гогена в южные моря, но в Австралии остановлен новостью о начале первой мировой войны. Он встает на сторону Антанты, и домой, в империю Габсбургов, ходу нет. Виткевич попадает в срочно переименованный Петроград, идет в военное училище, сражается против немцев, получает контузию (что способствует дальнейшему «съезжанию крыши») и так до 1917 года. В революцию — с головой, комиссарит-эсерствует (а возможно, и большевичит, но в санационной Польше, где его и так обзывали большевиком, об этом лучше помалкивать) и в 1918 году возвращается к рождению независимой Польши. С ней и прожил он до последнего дня этой ее межвоенной независимости. Апологетом, однако, не стал, любя ее странно любовью, вроде чаадаевского. Ну а к красно-коричневому новому порядку испытывал просто идиосинкразию.

Сначала было не до него, но лишь только Польша отхлебнула глоток социалистического строительства, как у публики вспыхнул интерес к Виткевичу. У властей — тоже. Он стал запрещен. Клетку с рукописями приоткрыли в 1956-м, в связи с польским Октябрем. Опять зажим, новая вспышка интереса в 1968-м, потом — в 1980-м. Иными словами, Виткаций оживает в кризисные для страны моменты. И это легко понять на примере хотя бы самой популярной его пьесы «Сапожники», аншлаги которой сопровождалась скрежетом зубовных властей. Судите сами: в ней сапожники между своим делом учатся управлять государством, рассуждая о Лейбнице, Канте, Гуссерле, Марксе и Ленине и даже о Польской объединенной партии (предвосхитил название!) встык с весьма солеными пассажами на тему гениталий. Да, это не совсем то, что нужно рабочему классу...

В общем, Виткаций дождался посмертного признания. Видно, поселился не в той стране и не в тот период. Западнее, во Францию, глядишь, получил бы под занавес Нобелевскую премию или на худой конец орден Почетного легиона, как выехавший туда сын румынского учителя Ионеско. Зато восточнее, в СССР, из эпатирующего очень скоро стал бы этапируемым и встал к стенке, как сын русского народовольца Хармс. Но все же 1985 год по линии ЮНЕСКО был объявлен его годом (к 100-летию). А к стенке он поставил себя сам, не дожидаясь Катини.

Тогда, в 1939-м, он оказался хорошим аналитиком, но плохим предсказателем. Видно, липовый был экстрасенс.